

УДК 94(47).084.3

**«Страшное озлобление всех
против всех»: российская
деревня в годы революции
и Гражданской войны
(по материалам
периодических изданий)**

Д. В. Давыдов, О. В. Козлова,

*Казанский национальный
исследовательский технический
университет им. А. Н. Туполева – КАИ,
г. Казань, Республика Татарстан,
Российская Федерация*

**“Violent animosity of
everyone against everyone”:
the Russian country-side
during the Revolution
and the Civil War
(adapted from periodicals)**

D. V. Davydov, O. V. Kozlova,

*A. N. Tupolev Kazan National Research
Technical University – KAI,
Kazan, the Republic of Tatarstan, the
Russian Federation*

Аннотация

Революционные события 1917 г. на долгие десятилетия изменили традиционный вектор развития российского общества. Ликвидация институтов монархии привела к разрушению сложившейся системы взаимоотношений сельского населения с властью. Дезориентация крестьянства в меняющемся социальном пространстве, несовпадение интересов большевистского руководства с ожиданиями сельских масс привели к разрастанию в сельской местности невиданных по своим масштабам проявлений антисоциального поведения. В наибольшей степени подверженной изменениям оказалась молодежь, для которой проявление насилия становилось естественной формой взаимоотношений с окружающим миром. Основное внимание в статье уделено освещению фактов погромов усадеб, грабежей крестьянского имущества, усиления национальных конфликтов, массового потребления алкоголя и пр. В то же время, затрагивается проблема низкой грамотности крестьян и отсутствия у них, по этой причине, доступа к периодической печати. Выбор хронологических рамок обусловлен попыткой обратиться к истокам смуты в российском обществе, которые можно обнаружить в отходе крестьянских масс от традиционной модели взаимоотношений с внешним миром и в разрушении религиозных структур. Источниковой основой статьи стали газетные публикации различной политической направленности, отразившие разные проявления вандализма со стороны крестьян. По мнению М. Горького, наблюдавшего процесс разложения деревни, жестокости крестьянства способствовала как политика большевиков, направленная на экспроприацию собственности, так и «каторжный мужицкий труд», не способный «развить вкус к... упорному и честному труду». Сделан вывод о том, что условия революции создали реальные предпосылки кризиса общественной и экономической жизни деревни, для преодоления которого потребовалось осуществление в дальнейшие годы комплексных мероприятий в рамках «культурной революции».

Abstract

The revolutionary events of 1917 changed the traditional development thrust of Russian society for many decades to come. The dissolution of the monarchy institutions led to the collapse of the existing system of relations between the rural population and the government. The disorientation of the peasantry in a changing social space, the divergence of interests of the Bolsheviks leadership and the expectations of the rural masses resulted in the overgrowth in the appearance of antisocial behavior in the countryside. Young people turned out to be the most liable to changes and for them violence became a natural form of relations with the world around. The main focus of the article is on the coverage of the facts of outrages in mansions, plundering of peasants' property, tensioning of nationality conflicts, mass consumption of alcohol, etc. At the same time, attention is also paid to the problem of the low literacy of peasants and their lack of access to periodicals. The choice of the chronological framework is due to the attempt to address the origins of the violent civil unrest in Russian society, which can be found in the separation of the peasant masses from the traditional model of relations with the outer world and destruction of religious structures. The source base of the article is various political newspaper publications reflecting various forms of demonstration of vandalism by peasants. According to M. Gorky, who observed the process of the countryside decay, the cruelty of the peasantry was facilitated by both the Bolsheviks' policy aimed at expropriating property and the "backbreaking labour" which could not "develop a feeling for... hard and honest work". It is concluded that the conditions of the revolution laid the groundwork for the crisis of social and economic life of the countryside, the resolution of which required comprehensive measures as part of "cultural revolution" in the years since.

Ключевые слова

Революция, Гражданская война, периодическая печать, крестьянство, погромы, самосуды, межнациональные отношения, Казанская губерния.

Keywords

Revolution, Civil War, periodicals, peasantry, outrages, lynching, interethnic relations, Kazan province.

Революционные события 1917 г. на долгие десятилетия изменили традиционный вектор развития российского общества. Практика насаждения идей коммунизма и классовой борьбы в крестьянском социуме привела к небывалой по своему размаху Гражданской войне. Что изменило общество, подтолкнуло его на путь жестокости и насилия? В поисках ответа на этот вопрос невозможно обойти стороной проблему трансформации повседневной жизни деревни, ставшей социальной базой столь значимого по своим масштабам конфликта.

Несмотря на серьезное внимание исследователей к вопросам участия крестьянских масс в событиях революции и Гражданской войны¹, данная проблематика не теряет свою актуальность и поныне. Ликвидация институтов монархии привела к разрушению сложившейся системы взаимоотношений сельского населения с властью. Формирование новой правительственной элиты, интересы которой не совпадали с крестьянскими, насильственное насаждение политики «воинствующего атеизма» привели к полной дезориентации сельских масс в социальном пространстве. Все глубже погружаясь в водоворот социально-политических катаклизмов, крестьянское сознание отчаянно пыталось найти им разумное объяснение. Реакцией на происходящие перемены стала архаизация сознания и обращение людей к первичным, животным инстинктам, что нанесло непоправимый урон нравственности и морали большинства населения страны.

В наибольшей степени подверженной изменениям оказалась молодежь, возмужавшая во время захватов помещичьих усадеб, внутриобщинных переделов земли и противодействия «отрубникам». Для нее проявление насилия становилось естественной формой взаимоотношений с окружающим миром. Демонстрация крестьянством собственной «независимости» при сохранении низкого уровня грамотности приняла особые формы социального поведения с ярко выраженной деструктивной направленностью.

Свидетельства кризиса в сознании и поведении сельских масс обнаруживаются в многочисленных газетных публикациях того времени. Характерно, что издания совершенно различной политической направленности рисовали весьма схожую, эмоциональную картину разложения деревни в условиях разрастания революции и Гражданской войны. Корреспондент газеты «Новая жизнь» с горечью констатировал: «Необычайно тяжелую пору переживает сейчас русская деревня. Самосуды, расстрелы, пытки, истязания, бессмысленные и никому не нужные жестокости – вот чем сплошь да рядом заполняется хроника провинциальной жизни»². «В деревнях страшное озлобление всех против всех», – вторит ему газета «Знамя труда»³.

Существенную роль в трансформации поведенческих установок крестьян сыграла ситуация «информационной блокады» деревни. Многочисленные газетные заметки наполнены упреками по поводу того, что «до сих пор ничего не сделано, чтобы рассеять темноту народную»⁴. «Газету читает только город», – резюмирует «Знамя революции»⁵. Так, например, деревня Уразметьево Богородской волости Чебоксарского уезда, несмотря на ее расположение в трех верстах от станции железной дороги, не получала ни газет, ни журналов. По словам корреспондента, «беднота у нас до сего времени не знает, что такое Советская власть и коммунисты»⁶. В Чистопольском уезде «получаемые газеты доставляются в волсоветы, прочитываются наспех и кладутся “в шкаф” для комплекта. Крестьянину газета почти никогда не попадает, и он, интересуясь современными политическими событиями, принужден пользоваться слухами»⁷. По свидетельству очевидца, посетившего Ядринский уезд, «газеты получают мало и с большим опозданием и никто их крестьянам не читает. Газету раздают Волсовдепы председателям, а последние, получив газеты, кладут их куда-нибудь подальше или оклеивают ими свои избы вместо обоев. Благодаря этому население деревень питается вздорными слухами, распускаемыми местными кулаками и спекулянтами»⁸. В селе Теньки «газета совершенно не попадает в руки крестьянам. Щиты есть, но никаких газет на них не расклеивается»⁹. «Казанская кооперативная газета» констатировала: «Если и раньше этот книжный голод не давал покоя деревне, то теперь он вырос до небывалых размеров... Теперь книга стала нужна как воздух, как хлеб. “Научите нас, растолкуйте, объясните. Что к чему, куда идти, как лучше устроить нам жизнь”, – вот что слышишь если не от каждого, то от большинства приезжих с мест»¹⁰. Сохранились слова одного из крестьян: «Умоляю вас, пришлите человека, который бы объяснил нам – растолковал»¹¹.

Однако растолковывать крестьянам, что происходит в стране, часто оказывалось некому. Незнание порождала многочисленные слухи о «конце света», о темных силах, желающих «вернуть самодержавие»¹². Неудивительно, что выездные лекции, организуемые в сельскую местность, пользовались огромной популярностью. Так, например, в селе Ключи 22 марта и в селе Поповка 29 марта 1919 г. были открыты двухнедельные курсы общеобразовательного характера для взрослых. Лекторов из Казани приехало 17 человек. Были проведены беседы

на темы «Путь Человечества», «Народное образование», «История культуры», «Родные писатели», «Сельскохозяйственные коммуны» и др. Характерно, что слушателей оказалось немало, многие приходили из окрестных деревень¹³. Однако далеко не всегда крестьяне могли понять выступающих ораторов: уж очень сложен оказывался порой их язык, изобилующий непонятными крестьянскому сознанию терминами. Характерный эпизод описывает фельетон, который посвящен приезду в село агитатора с докладом о международном положении. На вопрос крестьян, будут ли косы, оратор ответил о влиянии империалистической войны, разрушающей промышленность. Автор фельетона так описывал реакцию слушателя: «Вот говорит-то! Так и сыпет, так и сыпет... ни беса не поймешь», – говорит молодой парень высокому старику. Парень направляется домой, где он расскажет, как много он слышал и как мало понял»¹⁴.

Анархия в умах приводила к трагическим последствиям. Одним из них стало отмечавшееся повсюду погромное движение. Естественной реакцией сельского жителя на долго существовавшее несправедливое распределение жизненных благ стала фактически санкционированная местными органами власти практика грабежа имущества бывших помещиков: «Погромное движение в Лаишевском уезде продолжается. Каждый день получают все новые и новые сведения о разгромах и поджогах имений крупных и мелких землевладельцев»¹⁵. Одна из разбойничьих шайек прибыла на хутор помещицы В. М. Сельской. «Несколько человек ворвались в дом, сами принялись ломать и грабить, что находили в доме, а затем стали громить амбар с хлебом, которым нагроулили подводы, а часть хлеба с амбаром сожгли... сам дом Сельской разломали и увезли на подводах, а со двора увели 5 коров. Всего убытку землевладелице Сельской причинено свыше 3 000 руб. Пострадали и соседние землевладельцы»¹⁶. В селе Князь-Камаеве при разгроме имения Н. К. Леонтьева, бывшего члена уездной земской управы, оказалась разгромлена земская школа: в помещении были выбиты рамы, разломаны книжные шкафы, растащены учебники и тетрадки. Досталось и учительнице Филипповой, у которой было похищено вещей на 150 руб. Женщина, получила «сильнейшее нервное расстройство» и оказалась не в состоянии работать дальше¹⁷. В деревне Бинер Казанского уезда была расхищена бывшая дача доктора Хомякова¹⁸. В селе Алексеевском Лаишевского уезда был разграблен дом бывшего помещика. В дальнейшем здание было передано под народный дом. По свидетельству побывавшего там корреспондента газеты «Знамя революции», внешний вид сооружения был весьма печален: «Помещение народного дома представляет из себя какой-то сарай: нет ни одной печки, окна разбиты, по стенам снег. Артистам, если изредка приходится играть, то посиневшими губами они едва выговаривают слова...»¹⁹.

М. Горький в те годы писал: «Каторжный мужицкий труд, целиком зависимый от благорасположения стихий и руководимый древними навыками, а не новейшими успехами знания, не способен развить вкус к “праведному”, упорному и честному труду. И вот – грабят, воруют, поощряемые свыше премудрой властью, возгласившей городу и миру якобы новейший лозунг социального благоустройства: – Грабь награбленное!»²⁰. Между тем, присутствовал и страх за свои действия. Так, корреспондент газеты «Заря России» отмечает: «под влиянием сильно растущих деревенских слухов о том, что стоимость разграбленного имущества помещичьих усадеб будет взыскана с погромщиков, крестьяне стараются сбыть все вещественные доказательства. В Ефремовском уезде они свозят кирпичи разобранных барских построек, а домашние вещи вроде мебели распродают на тульском базаре,

а некоторые просто уничтожают. Идет слух о каком-то таинственном “списке”, в котором будто бы отмечены все главные погромщики»²¹.

Вместе с помещичьими усадьбами жертвами погромов становились и монастыри. Заведующая Покровской крещено-татарской общиной монахиня Софья сообщила епархиальному начальству, что соседние крестьяне-татары из деревни Кали-Илга во главе с председателем Ныртинской волостной управы Садыковым явились в монастырь, отобрали и вывезли 98 пудов 30 фунтов овса, 60 пудов 11 фунтов гречихи, 21 пуд 24 фунта полбы, объявив, что на другой день они приедут для описи хлеба и установления потребной для монастыря нормы²². Характерно, что подобные действия со стороны крестьян на страницах большевистских газет трактовались как проявления сознательного отношения крестьян к своим «классовым врагам». Значительных запасов продовольствия был лишен священник села Новые Шимкусы одноименной волости Тетюшского уезда. У него было изъято 44 пуда ржи, овса 37 пудов, полбы 20 пудов и меда 10 пудов. Усилиями местных органов власти священник был привлечен к уголовной ответственности, а отображенные продовольственные запасы были доставлены в Ялошковский ссыпной пункт²³. Инициативу в разграблении имущества церкви проявляла молодежь. В селе Шоркистры Цивильского уезда «стараниями местной коммуны молодежи на подлавке церкви... обнаружено 8 пудов ржи»²⁴.

Погромное движение не являлось проявлением классовой борьбы: стихийным грабежам порой подвергались и дома представителей «народной власти». Запущенная в сознание сельских масс идея уничтожения собственности формировала привычный тип поведения, при котором для погромщиков уже не имело значения, против кого направлять агрессию. Так, в селе Гришанино Старотибердинской волости Цивильского уезда местный священник Михайлов в своих проповедях внушал крестьянам, что власть Советов провалится и что землю отбирать от помещиков не следует. В результате крестьяне напали на местных большевиков и разгромили их дома²⁵.

Неудивительно, что в подобных условиях террор нередко обращался против самих же сельчан. «Крестьянская газета» сообщала о многочисленных случаях хищений крестьянского добра. Так, в ночь на 5 ноября 1917 г. неизвестными злоумышленниками был ограблен хуторянин деревни В. Мышляки. Грабители насильно отняли почти весь хлеб, напугали его семью и «в довершение всего ими были выбиты все стекла вместе с рамами»²⁶. В селе Чебакса Кошачковской волости в избу Федора Беркутова проникли воры, забрали имущества более чем на 400 руб. В селе Большие Дербышки Собакинской волости у местного жителя Фролова украдена лошадь стоимостью более 300 руб., у жительницы села Большие Дербышки Татьяны Ермаковой также была украдена лошадь за 450 руб.²⁷ Грабители порой не останавливались ни перед чем. В деревне Городок Алексеевской волости был зверски убит зажиточный крестьянин Кузьма Тужилин, у которого было похищено около 10 тысяч руб.²⁸

Страх лишиться своего имущества порождал агрессию против «экспроприаторов». Так, неподалеку от села Байтеряково произошло сражение местных жителей с пришедшими грабить крещено-татарский скит бандитами. Вооруженные вилами и топорами, жители села расправились с непрошеными гостями, при этом семь грабителей было убито²⁹.

Расширилась практика самосудов, ставших естественной формой проявления архаизации сознания сельских масс. В селе Апазове Балтасинской волости Казанского

уезда на базаре у одного крестьянина был вытащен из кармана кошелёк с деньгами. Вор попытался скрыться, но был замечен и опознан одним из преследователей в крестьянине деревни Казылино Кармышской волости Галиметзяне Ахметзянове. Не разбираясь, является ли Ахметзянов вором, толпа схватила несчастного и учинила над ним жестокий самосуд. Его долго били и оставили в покое лишь после того, как он потерял сознание. Как сообщала читателям «Крестьянская газета», «в Тотнинской больнице, куда после избиения доставили Ахметзянова, у него констатировали перелом ребер в боку, кости в руке и несколько ран на голове. Положение Ахметзянова признано тяжелым»³⁰. Не менее тяжелое наказание за кражи обрушивалось и на односельчан. Жители деревни Иваново Цивильского уезда, преимущественно язычники, расправились с одним из своих односельчан за воровство³¹. Иногда жертвами самосудов становились и священники. В селе Старые Арабоси Цивильского уезда в начале декабря 1919 г. у одного из жителей стали пропадать снопы сена. Была устроена засада, похитителем оказался местный поп Григорий. Крестьянин «одним ударом оглушил непрошеного гостя, затащил его в село вожжами и около церкви стал кричать тревогу. Собрался народ и учинил над вором самосуд. Избитого священнослужителя доставили на его квартиру, и вот 3 недели в селе нет положенных служб»³².

Вопиющий случай самосуда произошел в селе Ярково Тобольской губернии. Конфликт между супругами Петром Захаровичем и Вассой Стефановной Козловыми привел к уходу молодой женщины от мужа. Петр обвинил супругу, что к жизни с ним она «относится халатно». Был составлен приговор за подписью председателя Янковского солдатского комитета Н. Заева, по которому женщину решено было подвергнуть наказанию 25 ударами розог. Наказание состоялось 25 февраля 1918 г. Вот как описывает эту мрачную картину газета «Новая Жизнь»: «Экзекуция происходила при торжественной обстановке, в воскресенье, после обедни, когда в селе собралась из окрестных деревень тысячная толпа народа. Пострадавшая молодая 18-летняя женщина всего две недели прожила с мужем и ушла от побоев. Розги приготовлены большие, в 6 четвертей длины. Один гражданин держит за ноги, двое за голову. Председатель скомандовал “приступить к делу!” И началась гнусная расправа. Мужу приказано было первому хлестнуть и этот прут в сторону отбросить. Прутья подавал его родной брат. В гармонию играл солдат, а хор под гармонию пел». Факт самосуда был подтвержден членом следственной комиссии Сарафановым, к которому с жалобой обратилась пострадавшая. Стороны помирились, причем пострадавшей было выплачено 1 141 руб. Дело о расторжении брака направлено к народному судье³³.

Следствием архаизации сознания стало усиление национальных конфликтов. «Крестьянская газета» сообщала: «Чуваши Чебоксарского уезда весьма встревожены тем, что русские мещане города за последнее время участили свои визиты в деревню, и “с огненным боем” они отнимают сплошь и рядом последние запасы хлеба... Создается почва для вражды между русскими и инородцами». В Буинском уезде Симбирской губернии участились пожары в чувашских имениях. По сведениям, идущим с мест, поджоги делаются татарами с целью “выкурить чуваш” из уезда»³⁴. То же издание сообщало об еще одном случае конфликта: «в Алатской волости Казанского уезда татарами была увезена часть сена, принадлежавшего крестьянам другого села. В следующую ночь был поставлен караул. Гости не замедлили явиться. Началась драка, в которой один татарин был убит, а двое исколоты вилами»³⁵.

Существенную роль в разрастании масштабов противоправного поведения сыграло массовое потребление самогона. В деревне Самушкино Ядринского уезда на свадьбе местного крестьянина гости выпили, стали гонять на лошадях по деревне. Председатель местного сельсовета Митрофанов попытался успокоить буянов, но один из них топором расправился с ним³⁶. Газета «Новая жизнь» писала: «Дикие, пьяные оргии в деревнях за последние дни стали обычным явлением. В этих оргиях принимают одинаково деятельное участие почтенные старики, юноши и девушки. Часто можно видеть пьяных детей. Малышам дают алкоголь, чтобы они “угомонились” и не мешали взрослым предаваться удовольствиям»³⁷.

Познавшая таким образом «свободу» деревня, разбуженная событиями революции и Гражданской войны, вскоре оказалась перед необходимостью нормализации общественной и экономической жизни. Архаизации сознания с последующим отходом от традиционных норм поведения показала всю опасность последствий дальнейшего размывания основ нравственности и морали. Для их восстановления потребовалось осуществление в последующие годы комплексных мероприятий в рамках политики «культурной революции».

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Литвин А.Л. Красный и белый террор в России. 1918-1922 гг. – М.: Эксмо Яуза, 2004. – 448 с.; Кондрашин В.В. Крестьянство России в Гражданской войне: к вопросу об истоках сталинизма. – М.: РОСПЭН, 2009; Осипова Т.В. Российское крестьянство в революции и гражданской войне. – М.: Стрелец, 2001; Яров С.В. Крестьянин как политик. Крестьянство Северо-Запада России в 1918-1919 гг.: политическое мышление и массовый протест. – СПб.: Дмитрий Буланин, 1999. – 167 с. и др.
2. Деревенские кошмары // Новая жизнь. – 1918. – 9 мая.
3. Царь-голод // Знамя труда. – 1918. – 28 января.
4. Дайте свету и знания в деревню // Знамя революции. – 1919. – 27 сентября.
5. Путевые наблюдения // Знамя революции. – 1919. – 27 февраля.
6. Без газет // Знамя революции. – 1919. – 5 августа.
7. Без газет. Из докладов лиц, возвращающихся из командировок по уезду // Знамя революции. – 1919. – 24 августа.
8. Побольше внимания к деревне // Знамя революции. – 1920. – 29 января.
9. Путевые заметки (по Свияжскому и Спасскому уездам) // Знамя труда. – 1920. – 12 мая.
10. Книжный голод // Казанская кооперативная газета. Известия губернского продовольственного комитета. Журнал Казанского кооперативного комитета. – Казань, 1917. – № 7. – С. 23.
11. Там же.
12. Свет и тени // Казанская кооперативная газета. Известия губернского продовольственного комитета. Журнал Казанского кооперативного комитета. – Казань, 1917. – № 5. – С. 20-21.
13. Культпросветработа в Казанском уезде // Знамя революции. – 1919. – 16 апреля.
14. Агитация (с натуры) // Знамя революции. – 1919. – 27 сентября.
15. Лаишевский уезд. Погромное движение // Крестьянская газета. – 1917. – 23 ноября.
16. Разграбление имений г-жи Сельской и других // Крестьянская газета. – 1917. – 16 ноября.
17. Крестьянская газета. – 1917. – 23 ноября.
18. Что пишет деревня // Знамя революции. – 1919. – 3 сентября.

19. Больше энергии! // Знамя революции. – 1920. – 10 марта.
20. Горький М. Несвоевременные мысли // Новая жизнь. – 1918. – 18 мая.
21. В деревне // Заря России. – 1918. – 26 мая.
22. За землю и волю. – 1918. – 27 марта.
23. Коммунист. Паук-крестовик // Знамя революции. – 1920. – 5 апреля.
24. Восемь мешков ржи // Знамя революции. – 1920. – 31 марта.
25. Контрреволюционное гнездо // За землю и волю. – 1918. – 3 марта.
26. Мамадышский уезд // Крестьянская газета. – 1917. – 2 декабря.
27. Кражи в деревне // Крестьянская газета. – 1917. – 29 октября.
28. Убийство с целью грабежа // Крестьянская газета. – 1918. – 1 февраля.
29. К погромам в Лаишевской уезде // Крестьянская газета. – 1917. – 2 декабря.
30. Самосуд // Крестьянская газета. – 1917. – 31 октября.
31. Случай самосуда // За землю и волю. – 1918. – 21 июня.
32. Самосуд // Знамя революции. – 1919. – 30 декабря.
33. Деревенские кошмары // Новая жизнь. – 1918. – 9 мая.
34. Национальный вопрос в деревне // Крестьянская газета. – 1917. – 17 декабря.
35. В деревне // Крестьянская газета. – 1917. – 6 декабря.
36. Самогонка // Знамя революции. – 1919. – 14 августа.
37. Деревенская жизнь // Новая жизнь. – 1918. – 10 марта.

Список литературы

Кондрашин В.В. Крестьянство России в Гражданской войне: к вопросу об истоках сталинизма. – М.: РОСПЭН, 2009. – 575 с.

Литвин А.Л. Красный и белый террор в России. 1918-1922 гг. – М.: Эксмо Яуза, 2004. – 448 с.

Осипова Т.В. Российское крестьянство в революции и гражданской войне. – М.: Стрелец, 2001. – 400 с.

Яров С.В. Крестьянин как политик. Крестьянство Северо-Запада России в 1918-1919 гг.: политическое мышление и массовый протест. – СПб.: Дмитрий Буланин, 1999. – 167 с.

References

Kondrashin V.V. *Krestyanstvo Rossii v Grazhdanskoy voyne: k voprosu ob istokah stalinizma* [The Peasantry of Russia during the Civil War: revisiting the origins of Stalinism]. Moscow: ROSPEN publ., 2009, 575 p.

Litvin A.L. *Krasny i bely terror v Rossii. 1918-1922 gg* [The Red and White terror in Russia. 1918-1922]. Moscow: Eksmo Yauza publ., 2004, 448 p.

Osipova T.V. *Rossiyskoe krestyanstvo v revolyutsii i grazhdanskoy voyne* [The Russian peasantry during the Revolution and the Civil War]. Moscow: Strelets publ., 2001, 400 p.

Yarov S.V. *Krestyanin kak politik. Krestyanstvo Severo-Zapada Rossii v 1918-1919 gg.: politicheskoe myshlenie i massovy protest*. [The peasant as a politician. The peasantry of the North-West of Russia in 1918-1919: political thinking and mass protests]. St. Petersburg: Dmitry Bulanin publ., 1999, 167 p.

Сведения об авторах

Давыдов Денис Владимирович, доктор исторических наук, профессор Казанского национального исследовательского технического университета им. А. Н. Туполева – КАИ, e-mail: davdv@mail.ru.

Козлова Ольга Владимировна, кандидат исторических наук, доцент Казанского национального исследовательского технического университета им. А. Н. Туполева – КАИ, e-mail: hollyhouse@mail.ru.

About the authors

Denis V. Davydov, Doctor of Historical Sciences, Professor at A. N. Tupolev Kazan National Research Technical University – KAI, e-mail: davdv@mail.ru.

Olga V. Kozlova, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor at A. N. Tupolev Kazan National Research Technical University – KAI, e-mail: hollyhouse@mail.ru.

В редакцию статья поступила 14.10.2019, опубликована:

Давыдов Д. В., Козлова О. В. «Страшное озлобление всех против всех»: российская деревня в годы революции и Гражданской войны (по материалам периодических изданий) // Гасырлар авазы – Эхо веков. – 2019. – № 4. – С. 46-54.

Submitted on 14.10.2019, published:

Davydov D. V., Kozlova O. V. "Strashnoe ozloblenie vseh protiv vseh": rossiyskaya derevnya v gody revolyutsii i Grazhdanskoy voyny (po materialam periodicheskikh izdaniy) ["Violent animosity of everyone against everyone": the Russian country-side during the Revolution and the Civil War (adapted from periodicals)]. IN: *Gasyrlar avazy – Eho vekov*, 2019, no. 4, pp. 46-54.